

УДК 9(С18)14

Модели взаимоотношений Иркутской градской думы и коронной администрации в XVIII в.

М. М. Плотникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Рассматриваются модели взаимоотношений коронной администрации и Иркутской градской думы в XVIII в.: «контроль», «сотрудничество» и «произвол» на примере Л. Т. Нагеля. Л. Т. Нагель был и правителем Иркутского наместничества, и иркутским военным губернатором; именно на его службу в г. Иркутске пришла реформа Павла I, упразднившая наместничество в Сибири.

Ключевые слова: Иркутская градская дума, Иркутское наместничество, военный губернатор, контроль, сотрудничество, произвол.

В конце XVIII – начале XIX в. Иркутск был губернским городом, являлся административным, торговым, религиозным и культурным центром Восточной Сибири. Представителями коронной администрации, с которыми приходилось взаимодействовать Иркутской градской думе, были иркутский и колыванский генерал-губернатор и иркутский наместник, затем военный губернатор с гражданской властью и генерал-губернатор Сибири. Необходимо отметить, что период конца XVIII – начала XIX в. – это период административного управленческого кризиса в Сибири. В 1783 г. Сибирь была поделена на три наместничества: Тобольское, Иркутское и Колыванское, в г. Иркутске находился не только иркутский наместник, но и иркутский и колыванский генерал-губернатор. В 1797 г. наместничества были упразднены Павлом I, Сибирь поделена на две губернии – Тобольскую и Иркутскую, а Иркутск стал губернским центром, возглавляемым военным губернатором с гражданской властью.

Городовое положение 1785 г. определило следующие взаимоотношения между городскими обществами и губернаторами: городские обыватели собираются по приказанию и дозволению генерал-губернатора или губернатора как для дозволенных городским обывателям выборов, так и для выслушивания предложений генерал-губернатора или губернатора всякие три года в зимнее время; «обществу градскому дозволяется представить губернатору о своих общественных нуждах и пользах»; «буде генерал-губернатор или губернатор обществу градскому учинит предлог, то общество градское оный берет в уважение и чинит по случаю пристойные ответы, сходственные как узаконениям, так и общему добру»; «сверх положенных точно расходов, городские общества не могут сами собою издерживать денег городских и делать новых издержек»; «но буде что усмотрят к пользе общей, к выгоде и украшению города нужное, да представят губернатору и ожидают позволения; в

городовых доходах и расходах городские общества как губернатору подают ведомости, так и в казенную палату счета посылают» [9, с. 103, 109]. Как известно, в губернском Иркутске с 1783 до 1797 г. находился иркутский и колыванский генерал-губернатор и иркутский наместник. Законодательство в этом случае не дает четких указаний, кому именно поручен надзор за градской думой. В повседневной деятельности Иркутская градская дума взаимодействовала с Иркутским наместническим правлением, однако в особых случаях обращалась и к генерал-губернатору.

Современные исследователи, в частности Л. Ф. Писарькова, поддерживают точку зрения известного дореволюционного исследователя И. И. Дитягина о том, что в Городовом положении 1785 г. не были прописаны отношения с вышестоящими органами, которым поручен надзор над деятельностью дум (губернатор, казенная палата), а также с учреждениями, ведавшими делами города по другим законодательным актам (управа благочиния, приказ общественного призрения, магистраты) [15, с. 45–46]. Советские историки тоже были невысокого мнения о «Жалованной грамоте городам», в частности, В. В. Рабцевич считала, что она не учитывала местной специфики и поэтому учреждения городского самоуправления не могли по-настоящему заинтересовать жителей участием в них и фактически большинству горожан были не нужны [17, с. 148]. Однако дореволюционный историк В. О. Ключевский указывал, что внутри политической жизни Российской империи в XVIII в. появляются новые стремления: уравнивать сословия общими правами и обязанностями и призвать их к совместной дружной деятельности [14, с. 537]. Он отмечает, что попытки правительства установить равенство и восстановить совместную деятельность сословий были или робки, или непоследовательны. Появление сословных заседателей в некоторых губернских учреждениях Екатерины, например в приказах общественного призрения, в совестных судах и прочих, было первой попыткой в этом направлении, слабой и непоследовательной. Взаимоотношения Иркутской градской думы и иркутских наместников, а впоследствии и губернаторов также представляют собой попытки совместной работы разных сословий. Следует отметить, что эта совместная деятельность носила разный характер – от представительства интересов градского общества г. Иркутска в Правительствующем Сенате до произвола коронной администрации.

Вместе с тем еще в XIX столетии известный правовед А. Д. Градовский отмечал, что для понимания плана местного переустройства, задуманного Екатериной II, должно иметь в виду как само «Учреждение об управлении губерний» в двух его частях 1775 и 1780 г., так и Устав благочиния, изданный в 1782 г., и Жалованные грамоты дворянству и городам, изданные 21 апреля 1785 г. [8, с. 107].

Таким образом, Городовое положение 1785 г. является не только составной частью «Жалованной грамоты городам», но и частью административных реформ Екатерины II.

А. Д. Градовский писал, что «административный план Екатерины II был построен на началах децентрализации и привлечения местных обществ – дво-

рянского и городского к участию в этом управлении» [8, с. 131]. Императрица отказалась от сосредоточения всей силы государственного управления в центре. В 1764 г. в «Наставлении губернаторам» она придала должности губернатора больше самостоятельности, поставив ее непосредственно под власть Сената и собственного наблюдения. Губернатор «изымался» из ведения коллегий и центральных контор и «становился поверенной от государыни особой, главой и хозяином и истинным опекуном всей врученной в смотрение его губернии [1, с. 40]. Его компетенция была расширена в связи с подчинением тех губернских учреждений, которые до этого времени не были ему подвластны. В ведение губернатора были переданы полицмейстерские конторы, созданные в 1733 г. и до 60-х гг. подчинявшиеся только Главной полицмейстерской канцелярии, а также ямские управители, раньше подчиненные только Ямской канцелярии, таможни и магистраты.

Тенденции, которые проявились в 20–70-е гг. XVIII в. в процессе формирования аппарата управления абсолютистской монархии на местах, нашли свое завершение в реформах 80-х гг. через создание в 1782–1783 гг. института наместничества. В Сибири с формированием наместничеств был завершен процесс перемещения центра тяжести управления на места. Усиление власти губернатора проявилось в законченном виде в должности наместника, наделенного чрезвычайно широкими полномочиями [19, с. 61]. Именно губернатору как представителю высшей власти в губернии императрица отдала под надзор думы. Вступивший на престол после смерти Екатерины II Павел I, обеспокоенный излишней самостоятельностью местной администрации, в 1797 г. упразднил наместничества, а губернские власти подчинил непосредственно контролю Сената. Иркутск стал губернским центром, который возглавлял военный губернатор с гражданской властью.

Губернатор имел по роду своих прямых обязанностей точки пересечения с деятельностью градской думы. Особенностью государственного управления Сибири было выполнение коронной администрацией хозяйственных функций [17, с. 43]. Например, в деятельности сибирской администрации большое значение имела проблема снабжения хлебом растущего городского населения, армейских полков, расположенных на территории Сибири, и пограничных крепостей. Поэтому губернатору предписывалось тщательно следить за содержанием казенного хлеба, назначать надежных людей в государственные магазины, стремиться сделать большие запасы хлеба на случай голодных лет [18, с. 38]. Когда в Иркутске был неурожайный год и хлебных запасов оказывалось недостаточно, генерал-губернатор принимал личное участие в решении этого вопроса. Иркутская летопись оставила нам несколько таких примеров.

«Жалованной грамотой» градской думе указывалось, что необходимо «стараться о построении всего потребного, о заведении площадей, для стечения народу по торгу, пристаней, анбаров, магазейнов и тому подобного, что может быть для города потребно, выгодно и полезно» [9, с. 120]. Первым шагом в работе Иркутской градской думы в 1787 г. стало решение о постройке запасного хлебного магазина. С разрешения губернатора в 1788 г. было закуплено 2 351 пуд 35 фунтов на 923 руб. 56 коп., из этого продано 1 242 пуда на

576 руб. 96 коп. В результате оказалось израсходовано всего 346 руб. 60 коп. [2, л. 49 об.].

Взаимоотношения коронной администрации и Иркутской градской думы можно описать тремя моделями – «контроль», «произвол» и «сотрудничество» [16, с. 259–264]. Советские историки много писали о произволе коронной администрации, в том числе в Восточной Сибири. Они считали, что естественным состоянием для государственного аппарата феодальной России были произвол и беззаконие [12, с. 138]. Такое отношение свидетельствует о классовом подходе к истории, господствовавшем в советский период. Данная работа свидетельствует о том, что взаимоотношения коронной администрации или государственного аппарата феодальной России с Иркутской градской думой носили разный характер. Эти взаимоотношения не всегда были произволом, присутствовали также взаимоотношения, носившие характер контроля и сотрудничества.

Рамки закона дают право надзора губернатору за думами, думы со своей стороны посылают губернатору ведомости о городских расходах и доходах. Так в чем же выражался надзор губернатора за думой? А. А. Кизеветтер указывает, что «в каждом своем шаге новые органы городского управления оказывались опутанными с головы до ног стеснительными ограничениями и властной опекой коронной администрации» [13, с. 388]. «Губернское начальство проявляло самую решительную инициативу в наложении на городскую кассу новых обязательных расходов,... иногда прямо предписывало думе к непосредственному исполнению производство таких расходов, о которых в думе не было никакой речи и которые вовсе не были вызваны действительными нуждами городского населения» [13, с. 442]. Также А. А. Кизеветтер пишет, что на такое же отношение коронной администрации к думе указывал и И. И. Дитятин, изучавший городскую думу г. Санкт-Петербурга. В губернском Иркутске такой властной опеки губернатора не было. Более того, первый состав Иркутской шестигласной градской думы под руководством М. В. Сибирякова был очень грамотным и деятельным. Уже 1 февраля 1787 г. Дума написала Казенной палате письмо, в котором просила выдать гласному Андрею Исаеву жалуемое ей однопроцентное отчисление от питейных доходов с издания Городового положения по 1 января 1787 г. [20, с. 4] для постройки по ст. 167 Городового положения «первого отделения на запас жизненных на случай неподвоза припасов» [20, с. 3]. Пункт 6 ст. 167 указывал, что нужно «стараться о построении всего потребного, о заведении площадей, для стечения народу по торгу, пристаней, анбаров, магазейнов и тому подобного, что может быть для города потребно, выгодно и полезно» [9, с. 120]. Иркутская градская дума решила, используя Городовое положение, построить запасные хлебные магазины. Необходимо обратить внимание, что Дума оказалась очень расторопной, написав 1 февраля в Казенную палату письмо с прошением о выдаче однопроцентного отчисления от питейных доходов, не став дожидаться распоряжения Иркутского наместничества.

Губернаторы обычно давали указания думами о распоряжении городскими доходами, которые поступали от однопроцентных отчислений от питейной

продажи. В губернском Иркутске наместничество дало первое указание перенести рыбные ряды из Гостиного двора к реке Ушаковке в 1787 г. [2, с. 16], что Иркутская градская дума и исполнила. Однако в 1789 г. однопроцентный сбор от питейной продажи перестал поступать в доход города. 1 марта 1789 г. за № 146 Казначейство уведомило Думу, что по силе указа Иркутской казенной палаты от 10 июня 1788 г. за № 2549, основанного на указе Правительствующего Сената от 13 декабря 1787 г., Казначейству предписано, «когда следующие к возврату за место полученного прежде бывшими и ныне находящимися в Магистратах и Совестных судах бургомистрами, ратманами и заседателями в 1786 и 1787 г. жалованные деньги от Магистрата получены будут, тогда записать их в приход; но таковых и по сие время от Магистрата не прислано», а потому процентные деньги, которых накопилось по 20 марта 1789 г. 548 руб. 48 ½ коп., зачислены в «штатный доход» и это будет делаться впредь до пополнения [20, с. 8]. В следующий раз сведения о перечислении в доход города однопроцентного отчисления от питейной продажи обнаруживаются только за 1800 г. [7, л. 96 об.]. Таким образом, 12 лет Иркутская градская дума не получала в доход города питейные отчисления, а следовательно, губернатор не имел возможности распоряжаться бюджетом Думы. Более того, именно поэтому, когда в 1797 г. в г. Иркутске была введена полиция, губернатору пришлось искать источники дополнительных городских доходов, на которые будет содержаться полиция, что явилось особенностью городского развития г. Иркутска. К этому можно добавить, что со второй половины XVIII в. Иркутск превращается в «сибирский Амстердам» – средоточие деловой активности всей Сибири и становится самым крупным купеческим городом всей Сибири [21, с. 39, 48], следовательно, иркутские купцы были грамотными, независимыми людьми. И если купечество в европейских городах Российской империи пыталось избежать служения в градской думе, то в Иркутске все купцы вследствие своей малочисленности по очереди должны были выбираться на общественную службу. Эти обстоятельства способствовали тому, что Иркутская градская дума не только имела свою позицию по многим вопросам городского управления, но и отстаивала свои интересы перед коронной администрацией.

Взаимодействие губернаторов и думы было рабочим по текущим делам: утверждение в должности городского головы и гласных, контроль за исполнением Думой указов Правительствующего Сената, ревизия ведомостей городских расходов и доходов, предоставляемых Думой. Во время экстремальных ситуаций, случавшихся в городе, таких как пожар или нехватка продовольствия, взаимодействие Думы и губернаторов становилось интенсивным и прямым: губернаторы отдавали устные предписания городским головам. Были случаи, когда Иркутская градская дума обращалась к губернаторам за помощью. Поскольку Иркутская градская дума содержалась добровольной раскладкой на градское общество, то на любое увеличение городских расходов реагировала быстро и старалась их не допустить, отстаивая свою позицию перед губернатором. Вместе с тем произвол губернаторов в Сибири сказывался и на отношениях с градской думой.

Все выделенные модели взаимоотношений думы и коронной администрации можно проследить на примере Л. Т. Нагеля, который был и правителем Иркутского наместничества, и иркутским военным губернатором. Людвиг Тимофеевич Нагель происходил из голландских дворян. До того, как стать правителем Иркутского наместничества, был на военной службе. В 1772 г. участвовал под командованием А. В. Суворова в войне с Барской конфедерацией. А. В. Суворов охарактеризовал Л. Т. Нагеля как человека исправного и усердного к службе. Участвовал в Кавказской войне, где командовал Селенгинским полком. Именно Л. Т. Нагель основал крепость Владикавказ в 1784 г., был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, орденами Святого Владимира 2-й и 3-й степени, орденом Александра Невского.

9 октября 1791 г. Людвиг Тимофеевич Нагель прибыл в чине генерал-майора из Троицкосавска в Иркутск, где вел переговоры с китайцами о налаживании постоянной и беспрепятственной торговли. В феврале 1792 г. он подписал с амбанем Сун Юном от имени России соглашение, самое прочное из всех предыдущих, которое не нарушалось обеими сторонами в течение 60 лет [10, с. 350]. Авторы историко-краеведческого словаря «Иркутск» ставят под сомнение сведения Иркутской летописи о том, что служение Л. Т. Нагеля в Иркутске продолжалось до 1798 г. В качестве доказательства приводится Высочайший указ 13 декабря 1797 г., в соответствии с которым Л. Т. Нагель был уволен от должности иркутского наместника согласно прошению и «за ревностную же и похвальную 49-летнюю службу пожалован в действительные тайные советники с производством жалования до смерти». Архивные документы это подтверждают, в январе 1798 г. предложения Иркутской градской думе писал уже губернатор Х. А. фон Трейден. Таким образом, в Иркутскую летопись закралась ошибка: служба Л. Т. Нагеля в г. Иркутске продолжалась до 1797 г. В этом же 1797 г. он сочетался вторым браком с Анной Егоровной – родной сестрой умершей его супруги [11, с. 147]. Воспоминания о Нагеле остались самые противоречивые: летопись характеризует его как человека деятельного, трудолюбивого и строгой правдивости, В. И. Штейнгель пишет, что «губернатор Нагель был уже не простой Нагель» [22, с. 80].

Людвиг Тимофеевич Нагель, как совершенно справедливо отмечал А. В. Суворов, был усерден к службе. Он был очень деятельным правителем Иркутского наместничества, ревностно выполнял все предписания вышестоящих органов и добивался этого от Иркутской градской думы, которой он писал предложения. Одно из них касалось пожарной безопасности г. Иркутска. В 1792 г. тогда еще правитель Иркутского наместничества Л. Т. Нагель сам присутствовал во время пожарного случая и заметил «небытие граждан при тушении оного» и, как следствие, невыполнение предписания генерал-губернатора И. В. Якоби [4, л. 90–90 об.], о чем он не преминул сообщить в устной форме городскому голове И. А. Сизых. Предписание И. В. Якоби состояло в том, чтобы Иркутская градская дума составила список граждан с перечнем: кому в случае пожара надобно явиться для скорого тушения, а кому с инструментами – при городнических делах [3, л. 17]. Было пофамильно прописано кому какие инструменты нужно принести – багры, топоры, ведра, щи-

ты, бочки, лестницы, швабры, лопаты, крюки, веревки с крюками, ломы. В январе 1796 г. наместник Л. Т. Нагель опять лично присутствует при пожаре и отмечает: «Заметил я столь малое число из граждан, которые обязаны для тушения пожара быть с назначенными инструментами, что совершенно ни при какой почти помощи во время сего несчастья их было не видно» [6, л. 7]. По окончании пожара выяснилось, что из 13 пожарных старост явились только трое из первой части, но и у них, по спискам их десятка, ни одного из жителей не было с пожарными инструментами. Л. Т. Нагель изъявил посредством Градской думы крайнее к ним неудовольствие и заявил, что «все те люди, кои не оказались при выше сказанном пожаре, неизбежно подвергли себя оштрафованию яко противившиеся законам и не хотящие подавать руку помощи ближнему» [6, л. 7–7об.]. Иркутский наместник порекомендовал Градской думе объявить еще раз с подпискою всем градским жителям, чтоб каждый из них, сколь скоро случится пожар, тотчас сбегались для тушения пожара с предписанными каждому жителю инструментами, пожарным старостам подтвердить, чтоб и они имели за сим крайнее попечение, под опасением в противном сему случае неизбежного по законам оштрафования. В марте 1797 г. Л. Т. Нагель обратился с предложением к Иркутской градской думе, указав, что он дал городничему предписание осмотреть во всех домах у жителей при гласном Думы печи и трубы, и если окажется какая неисправность, приказать без отлагательства исправить, в противном случае не будет позволено «таковых неисправных печей топить» [6, л. 97]. Дума отрядила для этой цели из гласных Ивана Касьяновича Сизых.

Итак, Л. Т. Нагель не только делал предписания и предложения Иркутской градской думе о мерах по тушению пожаров, но и сам присутствовал при тушении пожаров. Жители же с большой неохотой из года в год принимали в этом участие, даже избранные пожарные старосты не всегда присутствовали на тушении пожара. С точки зрения современного исследователя, натуральные работы при тушении пожаров были неэффективными и их необходимо было заменить специализированной пожарной командой, получавшей денежное вознаграждение за свою работу. Однако в конце XVIII в. именно градская дума организовывала пожарную охрану города, и за ее действиями необходим был контроль со стороны губернатора.

Показателен следующий случай из повседневной практики думы, когда губернаторский контроль за действиями думы приблизился к произволу. Губернатор Л. Т. Нагель написал думе в мае 1797 г., 11-го и 31-го числа, предложение о приведении к концу постройки будок для рогаточного караула, начатых от города, и утверждении в двух частях города по одной съезжей [6, л. 108]. В своем предложении Л. Т. Нагель отметил, что всякое за сим упущение вменится ей в неисполнение законных постановлений и в пренебрежение делаемыми от начальства предписаниями. Основанием для недовольства губернатора послужил рапорт иркутского коменданта полковника Блюма, в котором тот указывал, что учрежденные в городе «будочные караулы не только уменьшены, но и где оные есть, в весьма слабом положении». Л. Т. Нагель предписал думе, чтоб «на сих же днях рогаточные караулы приведены были в

совершенную исправность, так и съезжия в частях города учреждены были непременно» [6, л. 108 об.].

Дума ответила губернатору, что рогаточных будок столько, сколько состояло при градском голове Сибирякове, а в отмене ни единой нет. Постройка же будок требует немалых средств, на таковое строение в доход городу дума суммы не имеет, а потому без общественного на то приговора к работам приступить не может [6, л. 111]. Собрание градского общества было назначено на 3 июня 1797 г. И хотя и будки были построены, и съезжие назначены, губернатор Л. Т. Нагель наложил на думу пени в 10 руб. «за непослушание оною против закона и постановленного начальства за медленную постройку в городе будок и двух съезжих» [6, л. 138]. И Дума, как ни доказывала свою невиновность, ссылаясь на законы и обращая внимание, что «по силе высочайшего о губернских учреждениях по 96 ст. Градская дума таковую возложенную пению к платежу себя виновною не признает, ибо в начертанной сей статье повелено на таковых пени налагать совсем не послушных, роптивных, ленивых и медлительных, Градская дума по силе высочайшим назмаменованным словам ни малейшего непослушания, ни ропоту, лености и медлительности не имела не только по письменным его высокопревосходительства предписаниям, но и по словесным приказаниям всегда выполняла» [6, л. 140–140 об.], все равно пени пришлось платить в казенный доход. Нагель уже отметил упущение думы.

Однако отношения губернатора и Иркутской градской думы не всегда складывались драматично. Были случаи, которые можно описать моделью «сотрудничество». Например, когда необходимо было в 1795 г. разместить обоз с 20 казенными лошадьми для иркутского двуротного полка и построить сарай с конюшней, правитель Иркутского наместничества Л. Т. Нагель предложил Иркутской думе «известить от себя гражданам, не согласятся ли кто в замену состоящего на домах их постою, дать на выстройку конюшни и сарая, потребное число леса и материалов, из которого без привлечения уже их выстроены они будут воинскими служителями» [5, л. 8 об.]. Иркутская градская дума известила граждан через объявление, которое сделали земские старосты. Свое согласие дали купцы Григорий и Иван Киселевы, вместе с тем указав на дороговизну лесов, попросили в помощь еще двух граждан. Иркутская градская дума отрапортовала обо всем правителю Иркутского наместничества Л. Т. Нагелю, который ответил: «Видя из рапорта сей Думы, что согласившиеся здешние купцы Киселевы, Михайло Сибиряков и Федор Кокорин, к постройке при казармах ради двуротного отряда, конюшни и сарая потребный лес выставили, которые из того поставленного леса уже и выстроены, предложил я здешнему Городовому магистрату, имеющему в зависимости своей квартиры, по указу Правительствующего Сената..., от постоя означенных купцов дома освободить» [5, л. 21]. Таким образом, к сентябрю 1795 г. сарай с конюшнями был построен, а купцы, на чьи средства был приобретен строевой лес, освобождены от постоя.

Итак, можно выделить три модели, в рамках которых развивались взаимоотношения думы и иркутских наместников, а затем и губернаторов: «контроль», «сотрудничество» и «произвол». Контроль за думами был возложен на

губернаторов согласно законодательству, и в некоторых случаях, например в пожарном деле, он был необходим. Произвол, с одной стороны, был неизбежен вследствие кризиса управления в Сибири, с другой стороны, власть, наделенная такими большими полномочиями, как наместники и губернаторы в Сибири, всегда получает возможность перерасти в произвол. Следует отметить, что и в таких условиях, как показывает практика, возможно сотрудничество между коронной администрацией, назначенной императором, и избранной градским обществом думой.

1. Власть в Сибири в XVI – начале XX века. – Новосибирск : МАСС-Медиа-Центр, 2002. – 294 с.
2. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 17.
3. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 32.
4. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 77.
5. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 111.
6. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 199.
7. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 312.
8. *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права / А. Д. Градовский. – Спб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. – Т. 3, ч. 1: Органы местного управления. – 384 с.
9. Грамота на права и выгоды городам Российской империи 21 апреля 1785 г. // История самоуправления Иркутска: от Екатерины Великой до Медведева. – Иркутск, 2008. – С. 101–123.
10. Иркутск : ист.-краевед. словарь. – Иркутск : Сиб. книга (ИП Лаптев А. К.), 2011. – 596 с.
11. Иркутская летопись / [П. И. Пежемский и В. А. Кротов] ; предисл., добавл. и примеч И. И. Серебренникова. – Иркутск : Паровая тип. И. П. Казанцева, 1911. – 418 с.
12. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – Л., 1968. – 538 с.
13. *Кизеветтер А. А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария / А. А. Кизеветтер. – М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. – 473 с.
14. *Ключевский В. О.* О русской истории / В. О. Ключевский. – М. : Просвещение, 1993. – 576 с.
15. *Писарькова Л. Ф.* Городские реформы в России и Московская дума / Л. Ф. Писарькова. – М. : Новый хронограф : АИРО-XXI, 2010. – 752 с.
16. *Плотникова М. М.* Модели взаимоотношений иркутского губернатора и иркутского городского общественного управления в конце XIX – начале XX вв. // Четвертые университетские социально-гуманитарные чтения 2010 года : материалы. – Иркутск, 2010. – С. 259–264.
17. *Рабцевич В. В.* Сибирский город в дореформенной системе управления / В. В. Рабцевич. – Новосибирск : Наука, 1984. – 197 с.
18. *Рафиев Л. С.* Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. // Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. : Избранное. – Новосибирск, 2006. – 304 с.
19. *Рафиев Л. С.* Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. : Избранное. – Новосибирск, 2006. – 304 с.
20. *Серебренников А. М.* Очерк некоторых сторон из жизни города Иркутска в первые три года по введению Городового положения 21 апр. 1785 г. / А. М. Серебренников. – Иркутск : Тип. И. Коковина, 1894. – Вып. 2: Городские доходы. – 51 с.

21. *Старцев А. В.* Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX вв.) : учеб. пособие / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Азбука, 2010. – 214 с.

22. *Штейнгель В. И.* Сочинения и письма. Т. 1: Записки и письма / В. И. Штейнгель. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. – 608 с.

Models of Relationship between Irkutsk Duma and the Crown Administration in the XVIIIth c.

M. M. Plotnikova

Irkutsk State University, Irkutsk

The article discusses models of relationship between the Crown administration and the Irkutsk City Duma in the XVIIIth c.: «control», «cooperation» and «lawlessness» on the example of L. T. Nagel who was both the Governor of Irkutsk vicegerency and the military Governor of Irkutsk. It was L. T. Nagel who was in the service in Irkutsk when the reform of Paul I abolished the vicarious authority in Siberia.

Key words: the Irkutsk City Duma, Irkutsk vicegerency, the military Governor, control, cooperation, lawlessness.

Плотникова Мария Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин Международного института экономики и лингвистики Иркутского государственного университета, 664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 6-311, тел. 8(3952)521121, e-mail: some-forme@yandex.ru

Plotnikova Maria Mikhailovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Economic Disciplines, the International Institute of Economics and Linguistics of the Irkutsk State University, 664082, Irkutsk, Ulan-Batorskaya St., 6-311, phone 8(3952)521121, e-mail: some-forme@yandex.ru